

3. Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa—Moskwa, 1967. С. 919.
 4. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мн., 1963.
 Ч. 1—2. С. 740—749.

SUMMARY

The article is devoted to the problem of structure, context and evolution of the semantic of the lexic group which has the verb "расправіму" as a nucleus word the problem goes back to XV-XVII centuries literary monuments of byelorussian written language. The author ... the Russian and Polish languages for the valuation of the semantic of the considered lexic group.

УДК 413-09

Т. Г. Трофимович

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ НОМИНАТИВНОЙ МОТИВАЦИИ

(на материале языка старорусской деловой письменности)

В рамках оформившейся в современном языкознании антропоцентрической научной парадигмы особое значение приобретают проблемы языковой номинации. Изучение того, как протекает процесс образования номинативных единиц, называющих и вычленяющих фрагменты действительности и формирующих соответствующие понятия о них, позволяет проникнуть в закономерности взаимодействия мышления, языка и оценить роль человеческого фактора в этом взаимодействии.

К постулатам ономазиологии относится утверждение о том, что первичные номинации — крайне редкое явление в современных языках, а их номинативный инвентарь пополняется в основном за счет вторичных, производных наименований [1, с. 336]. Отсюда следует, что словарный состав любого языка является в основном результатом номинативной деятельности его носителей. Синхронный срез номинативных средств позволяет выделить среди них первичные, усвоенные членами социума, и вторичные, заимствованные или производные наименования. Если мотивированность первичных может быть установлена только этимологическим анализом, то обусловленность производных названий определяется с высокой степенью вероятности на синхронном уровне. Случайность в выборе мотива наименования при различных способах номинации далеко не одинакова, она почти сходит на нет при деривации [2, с. 152].

Порождение новой номинативной единицы является результатом коммуникативного запроса, который активизирует разные участки вербального пространства [3, с. 50]. Очевидно, что образование наименования может активизировать не один, а несколько участков этого пространства. Утверждать, что конкретное слово прошло именно такой, а не иной путь, значит примитивизировать процесс порождения наименования. «Множественность мотивации — отражение того простого факта, что образование одной и той же единицы может реально достигаться разными путями» [4, с. 262].

Попытаемся проследить некоторые явления номинативной мотивации на материале универбальных названий лиц, отразившихся в языке старорусской деловой письменности. Значимость делового языка XV—XVII вв. в формировании русского литературного языка и его номинативных средств общепризнанна.

В механизмах универбизации в старорусский период особой активностью характеризуется суффиксация — наиболее распространенный способ создания цельнооформленных номинативных единиц [5, с. 72]. Лидирующее положение в системе ономаσιологических базисов традиционно занимают форманты *-чик/-щик-*, *-ник-*, *-ец-*. Анализ мотивов образования названий лиц при помощи этих формантов неизбежно приводит к осознанию их множественности, к идее существования в вербальном пространстве мотивационных полей.

Так, среди наименований с *-чик/-щик-* легко выделяется значительная группа названий лиц, которые одновременно с одинаковой степенью вероятности могут быть мотивированы названием действия, совершаемого лицом (глаголом) и именем по этому действию, девербативом (именем существительным). Кто такой *перевозчик*? Тот, кто *перевозит* или тот, кто совершает *перевоз*? Аналогичные вопросы вызывают наименования *заговорщик*, *закупщик*, *заимщик*, *караульщик*, *наборщик*, *отказчик*, *обманщик*, *откупщик*, *обыщик*, *переводчик*, *переплетчик*, *приказчик*, *сборщик* и многие др.

Учитывая общеизвестный факт, что контекст, в котором употребляется номинативная единица, фиксирует естественный акт номинации [2, с. 257], обратимся к памятникам письменности. Действительно, в текстах находим подтверждение наших предположений о существовании мотивационного поля «действие/имя по действию → деятель, агенс». Вот примеры, зафиксировавшие действительную (глагольную) мотивацию: ... И наймит будет бить челом и *доведет* ино тот суд не в суд, наемного *доводчика* казнити смертию. ЗА, 42. ...*Отдельщик*

Василей Мозалевский *отделил* в пусташи... Южн. отк., I, 323. И тем те лошади *пятнати* у *пятещиков* на Москве. Суд. 1550, 95. А ыне они сами на Москве *ответчики* сами за себя *отвечают*. Пам. Влад ..., 261, 6 об. *Откупился* я, сирота твой, в Ростове у таможенных *откупщиков*. ПРП, У, 156. *Приказываю* душу свою господам своим *приказчики*. ПРП, IV, 158. ...С *меновщиков*, которые крестьяня лошади продают и *меняют*... Пам. Влад., 169, 1. *Займовали* у тех людей а те *займщики*... ПРП, У, 218. А которые всякие люди... *учнут отбивать* и тем *отбойщикам* ... Ул. 1649, XXV, 19. ...Учнет *изменою* ис полкех *перезжати* ... и такова *перезжика* казнити смертию. Ул. 1649, У, 21.

Мотивация именем по действию обнаруживается, когда читаем: И тех людей дати на *поруки*, как их попытают, и *порутчиком* их поставить, ПРП, IV, 369. По *дозором* разных *дозорщиков* ... убыло. ПРК, 49. А *пересудчиком* *пересуду* имети на виноватом по две гривны. Св. суд., 6, 51. Потому что *окладчики* про те *оклады* сказывали за крестным целованием. ПРП, V, 461. А будет по *мытом* *мытчики*, и по *перевозом* *перевозчики*... Ул. 1649, IX, 2.

Обе мотивационные модели существовали в сознании носителей языка и не могли не влиять на характер конкретной мотивации, делая ее множественной. Это фиксируют и тексты: А кто на кого *учнет извещати* государево великое дело или измену, а того, на кого он то дело *извещает*, в то время в лицах не будет, и того, на кого *извет* будет, сыскати и поставити с *изветчиком* с очей на очи. Ул. 1649, XVII, 40.

Текстовые фиксации номинативных механизмов дают возможность укрепиться в предположении о том, что названия лиц с формантами *-чик/-щик-* могли иметь множественную мотивацию, т. е. в вербальном пространстве возникало мотивационное поле «действие/имя по действию → деятель».

Многочисленны старорусские названия лиц с формантом *-ник-*. Собранный нами языковой материал позволяет допустить множественность мотивации и в данном случае. Целый ряд наименований может быть мотивирован названием совершаемого действия, именем по этому действию и признаком по этому же действию. Например, *работник* — тот, кто *работает*; тот, кто выполняет *работу*; *работный* человек. Вероятно, на такое мотивационное поле опираются названия типа *советник*, *ослушник*, *проводник*, *чищельник*, *исповедник*, *наследник*, *разбойник*, *промышленник*, *служебник* и многие др.

В тех случаях, когда в качестве дифференцирующего признака наименования использовалось указание на объект действия (типа *кирпичник, сапожник*), есть основания считать, что в мотивационных отношениях может участвовать признаковая характеристика дела, которым занимается лицо. Это хорошо прослеживается на примере слова *хамовник*. Оно было не известно древнерусскому языку (И. И. Срезневский не фиксирует), а в старорусский период употреблялось в значении 'житель Хамовников, одной из многочисленных верных слобод, который занимался ткачеством, ткал столовое белье' (Брокгауз, Эфрон, 73, 75). По мнению П. П. Смирнова, это были холопы, занимавшиеся хамовным делом [6]. Следовательно, номинативный механизм можно представить так: *хамовник* — тот, кто занимается *хамовным* делом. Заметим, что старорусский деловой язык располагал целым рядом словосочетаний устойчивого типа со словом *дело* (Сл. РЯ XI—XVII вв., 4, 206): *дело ратное, дворовое, городовое, горшечное, печатное* и др., где *дело* 'занятие, работа'. Оснований считать, что названия лиц типа *работник, советник* могли возникнуть в результате называния лица по признаку исполняемого им дела, еще больше.

Выявленный мотив, наряду с мотивацией по объекту действия присутствует в названиях лиц по профессии и роду занятий: *шубник, шапочник, овчинник, санник, хлебник, калачник, гвоздочник, горшечник, замочник, колесник, рукавичник, пирожник* и многие др.

Изучая проблему номинативной мотивации, есть смысл остановиться на явлении семантической конденсации, состоящем в устранении семантической и формальной расчлененности наименования [5, с. 40—41]. В принципе этот процесс мог происходить двумя способами: субстантивацией и суффиксацией. Например, *мастер портной* → *портной*; *мастер сапожный* → *сапожник*.

Известно, что язык деловой письменности располагал большим числом однотипных двусловных наименований лиц, представляющих собой словосочетания типа «сущ.+прилаг.» Так, текст Уложения 1649 г. содержит 84 таких названия со словом *люди*, 15 — со словом *дети*, 11 — со словом *холоп* и т. д. Логично предположить, что суффиксальные универбы имели в качестве мотивирующих названия такого типа. В памятниках письменности находим *люди беглые* (Ул., АПД, ЗА), *люди дозорные* (АПД), *люди докладные* (Ул.), *люди должные* (КЧ, АПД), *люди закладные* (ЗА), *люди оброчные* (АПД), *люди опричные* (Ул.), *люди ослушные* (ЗА), *люди работные* (ЗА, КЧ,

АПД) и т. д. Соответственно обнаруживаем: *беглец, дозорщик, закладчик, оброчник, опричник, послушник, работник, ратник, должник* и т. д. Заметим, что морфемный состав слова-названия, безусловно, значим в установлении мотивационных отношений, но эта значимость вряд ли может быть безоговорочно однозначной.

Множественность мотивации в номинативных процессах, равно как и существование вариантов аффиксов, приводила к оформлению в языке старорусской деловой письменности лексической избыточности, т. е. одно лицо получало два и более наименований. Это фиксирует и Словарь русского языка XI—XVII вв.: *боровник — боровщик* (1, 295), *знахарь-знатец* (6, 49, 52), *посол — посланник — послальник — послатай — посольник* (17, 205, 174, 173), *наимщик — наимит* (10, 105, 103), *мытчик — мытовщик* (9, 339, 440), *истец — ищя* (9, 319, 359), *начальник — начинатель — начинальщик* (10, 307, 617, последнее словарь не отмечает), *половник — половщик — польщик* (16, 233, 287), *опричник — опричницец — опричницец* (13, 45), *лазутчик — лазутник* (8, 164, 163) и др.

Судя по всему, в процессе функционирования возникших наименований в действие вступала семантическая деривация, параллельные названия формировали разные значения. Если одна и та же ономазиологическая идея реализовывалась при помощи разных суффиксов, это могло быть средством удовлетворения разных коммуникативных запросов. Разных лиц называли, например, *писарь* и *псовник*, *ключарь* и *ключник* и др.

Длительная история функционирования названия, семантическая деривация могли ослаблять мотивационные связи, даже сводить их на нет. Так произошло со словом *плотник*. Возникло оно, судя по всему, как имя агенса: *плотник* — тот, кто делает *плот*, т. е. ограду. В древнерусском языке это наименование называло «мастера, работающего из дерева, рубящего строения» (Срезн., П, 969), то же и в старорусском языке. Налицо утрата мотивационных связей.

Мотивация названия могла быть не просто единичной, но и достаточно уникальной. Языку старорусской деловой письменности известно название *нетчик* 'отсутствующий, не явившийся на военную службу'. Очевидно, что возникло это наименование на основе слова *нет* 'список не явившихся на военную службу' (Сл. РЯ XI—XVII вв., 11, 317). Лицо получило название по названию документа, в который оно внесено.

Наши выводы о номинативной мотивации в каждом конкретном случае могут быть скорректированы и конкретизи-

рованы. При этом практически не вызывает сомнений сам факт присутствия мотивационных полей у большого количества наименований. Множественность мотивации — распространенное явление. Анализ контекстов подтверждает во многом эту множественность, показывает значимость коммуникативной ситуации в универбизации [7, 96]. Старорусский период развития языка имел в этом смысле свои особенности, однако это предмет другого разговора.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

- Акты писцового дела /Сост. С. Б. Веселовский. М., 1990.
 Законодательные акты русского государства 2 п. XVI —1 п. XVII в. Л., 1986.
 Крестьянские челобитные XVII века. М., 1994.
 Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.
 Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.
 Памятники русского права. М., 1956, 1959. Вып. 4—5.
 Приходно-расходные книги московских приказов. 1619—1621. М., 1983.
 Соборное уложение 1649 года. Л., 1987.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
3. Волков В. В. Деадъективное словообразование в русском языке. Ужгород, 1993.
4. Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
5. Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
6. Смирнов П. П. Московские ткачи и их привилегии. Ташкент, 1928.
7. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985.

SUMMARY

The article deals with the character of motivating relations in the process of origin of person's monowords names. It also confirms the prevalence of plurality of nominative motivation.